

УДК 811.161.1'373

DOI 10.25205/1818-7935-2017-15-4-43-51

А. Е. Бочкарев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, 603155, г. Нижний Новгород, Россия*

abotchkarev@hse.ru ; bochkarev.andrey@mail.ru

О ЦВЕТОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена цветообозначению чувств и эмоций в русском языке. Судя по употреблением, засвидетельствованным в Национальном корпусе русского языка, палитра эмоциональных состояний ограничивается в русском языковом сознании несколькими базовыми цветами и оттенками, в том числе белым, красным, розовым, зеленым, синим, черным и серым. Разные по природе чувства могут окрашиваться при этом тем же цветом, градации того же эмоционального состояния – различаться по нюансам и цвету. Так, белым цветом окрашиваются равным образом и испуг, и страх, и ужас, и стыд; красным – и негодование, и злость, и гнев, и удовольствие; розовым – и удовольствие, и смущение, и счастье; белым – и стыд, и обида, и гнев, и ярость; черным – и негодование, и злость, и обида, и бешенство; синим – и обида, и ужас, и удовольствие; зеленым – и испуг, и злость, и бешенство, и счастье; серым – и испуг, и ужас. Выбор цветообозначения определяется при этом внутренним убеждением говорящих, что для обозначения определенного эмоционального состояния подходит именно такой цвет и что наилучшим его эталоном является именно такой цветовой образец: напр. лимон или шафран для желтого цвета; рак, мак или пион для красного цвета; мел, бумага или полотно для белого цвета.

Ключевые слова: корпусные исследования, языковая картина мира, цветообозначение, чувства и эмоции, эмпирический опыт, образец, установка мнения, истинностная оценка.

Исходя из интуитивного знания тождества и различия, не составляет труда отличить белизну от черноты, но далеко не так просто установить, как эмоционально переживается человеком тот или иной цвет, как соотносятся между собой цвет и чувства, почему некоторые чувства окрашиваются в языке красным, а другие – зеленым, синим или черным цветом. Выбор цветообозначения в идиоматических выражениях вида *покраснеть от стыда*, *посинеть от страха* или *позеленеть от злости* задается, очевидно, не только психофизиологической реакцией на то или иное эмоциональное состояние, но еще и внутренней установкой мнения, что наиболее подходящим словом для обозначения гнева является *красный*, страха – *синий*, злости – *зеленый*. В этом смысле далеко не наивно звучит вопрос, что значит *красный*, *синий* или *зеленый* в языке, универсальны или национально специфичны цветообозначения [Berlin, Kay, 1969; Slodzian, 1993], совпадает ли область применения цветообозначений в разных языках при описании того же эмоционального состояния [Кульпина, 2001; Макеенко, 2014].

Предварительные суждения. Логики, философы и лингвисты издавна задаются вопросом, как определить слова со значением цвета – обращаться ли к специально-научному знанию,

Бочкарев А. Е. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 43–51.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Том 15, № 4

© А. Е. Бочкарев, 2017

эмпирическому опыту или стереотипным представлениям, довольствоваться ли данными нам в чувственном восприятии ощущениями, цветовыми образцами, ментальными репрезентациями или руководствоваться исключительно речевым обиходом, интерпретирующими возможностями контекста, знанием, как употребляются в языке слова.

Приняв за основу то, что «мы имеем в виду» или «держим в голове», когда произносим слова [Вежбицкая, 1997. С. 243], значением слова приходится признать диспозициональное свойство знака вызывать в голове какой-то ментальный образ: например, предрасположенность слова *красный* вызывать в голове образ определенного качества, идентифицируемого нами как красный цвет. Притом идентифицировать данное в ощущениях качество как такой, а не какой-то другой цвет нам позволяет эмпирический опыт; определить значение обозначающего его выражения – установленные на его основе «эмпирические правила смысла» [Айдукевич, 1999. С. 76–78].

Руководствуясь эмпирическими правилами, значение того или иного цветообозначения можно действительно установить индуктивно по отношению к разделенному перцептивному опыту. Например, когда кто-то говорит: *это красный*, собеседнику не остается ничего другого, как привести значение слова *красный* в соответствие со зрительными своими ощущениями; причем именно такими, которые выражаются посредством слова *красный*¹, а затем только судить, насколько верно в условиях данной ситуации подобное словоупотребление. В таком случае высказывание *x – красный* означает, что цвет *x* является в моих ощущениях сходным скорее с красным, чем зеленым, высказывание *x – зеленый*, что цвет *x* является в моих ощущениях сходным скорее с зеленым, чем красным, и что *красный* и *зеленый* суть разные предикатные дескрипции. Умозаключение от ощущений строится следующим образом: «...существует свойство ϕ такое, что всякий раз, когда мы видим красное, существует нечто, обладающее свойством ϕ » [Рассел, 1999. С. 246].

Разумеется, знание о самом факте ощущения ничем не может быть опровергнуто, зато следующие выводы могут быть оспорены или подвергнуты сомнению. В ответ на *это красный* собеседник может согласиться или, напротив, возразить, сказав, что *это не красный, а розовый* или *это не красный, а бордовый*. За таким на первый взгляд тривиальным суждением кроется принципиальное для эмпирической семантики установление. Аппроксимация к эмпирическому опыту целесообразна и необходима, если такой опыт является разделенным всеми или почти всеми представителями данного языкового сообщества, если в большинстве своем говорящие признают, что для обозначения такого-то цвета наиболее подходящим выражением является *красный*, а для обозначения другого цвета – *желтый* или *зеленый*².

Ситуация во многом осложняется, когда для определяемого цвета затруднительно подобрать конвенциональное обозначение или, что хуже, когда собеседнику неизвестно значение слова, или, говоря словами А. Вежбицкой, то, что «мы имеем в виду», когда произносим данное слово. За невозможностью объяснить наилучшим решением становится остенсивное определение – указание на какой-то избираемый по случаю объект, для которого означенное свойство является присущим: например, лимон для желтого цвета, снег для белого цвета, уголь для черного цвета, клубника для красного цвета³. А поскольку предложенный в качестве эталона цветовой образец обладает цветом, которым он обладает, *белый* заменяют по правилам простой подстановки на *цвет снега*, *желтый* – на *цвет лимона*, *черный* – на *цвет угля*, *красный* – на *цвет клубники*, и наоборот. При этом пусть остенсивное определение не является определением как таковым, а разве только указующим жестом на требующий объяснения дес-

¹ По Л. Витгенштейну, «Фраза “Слово ‘красный’ обозначает цвет, возникающий в моем сознании, когда я слышу слово ‘красный’” – была бы дефиницией, а не объяснением сути обозначения чего-нибудь словом» [Витгенштейн, 1994. С. 170].

² Критерием адекватности становится, как следствие, «радикальный конвенционализм» (К. Айдукевич), готовность признать, что для конвенционального обозначения определенного – пусть и субъективного – восприятия подходит именно это, а не какое-то другое языковое выражение.

³ Недаром в словарной дефиниции именованного цвета определяют для пущей наглядности по отношению к вещам. Например, *красный* – цвета крови; *оранжевый* – цвета апельсина; *желтый* – цвета песка, золота; *зеленый* – цвета травы, листья (С. И. Ожегов).

криптивный предикат, «истинность в силу остенсивного определения» признается аналогичной «истине в силу вербального определения» [Пап, 2002. С. 229–238], ибо остенсивное определение можно при желании преобразовать в вербальное определение. Для этого требуется только словесное выражение дескриптивного предиката в высказываниях вида «Пусть слово *красный* (*черный, белый, зеленый, синий...*) используется в качестве синонима выражения *цвет данной краски*»⁴.

Вместе с тем пресловутое «чувство реальности» (Б. Рассел) подсказывает, что в таких априори красных объектах, как свекла, гранат или пионерский галстук, свойство красноты проявляется по-разному и что некоторые индивидуальные объекты не обладают этим свойством в полной степени. Во избежание путаницы не остается ничего иного, как избрав в качестве эталона какой-то прототипический образец, исчислять все возможные оттенки цвета в скалярной оценке по степени соответствия образцу по правилам вероятностной импликации: x означает свойство p со степенью n .

В таком сугубо экстенциональном определении можно действительно понять, как опознается в визуальном восприятии тот или иной цвет, а при необходимости и измерить «градус» исчисляемого свойства, но не установить, какие значения принимают именованья цвета в языке. Ибо, если быть точным и строгим, собственно лингвистическим анализ значения может быть только в интенциональном определении – при условии изучения цветообозначений по отношению к другим цветообозначениям. Поэтому, даже признав, что языковые выражения соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти ментальных репрезентаций, нельзя не признать, что засвидетельствованные в языке именованья цвета идентифицируются носителями языка как такой, а не какой-то другой цвет, не только потому, что соотносятся с конвенциональным представлением, как должен выглядеть в визуальном восприятии красный, синий или желтый цвет, но еще и потому, что противопоставляются внутри парадигмы цветовых отличий другим известным именованьям. Исследования цветообозначений к тому же показывают, что цветовые ощущения оформляются в разных языках по-разному. Например, *желтый* цвет воспринимается в русском языке по контрасту с *оранжевым* и *лимонным*, а во французском языке – еще и в сравнении с *jaune d'œuf* ‘яичный желток’, *fauve* ‘рыжевато-коричневый’, *isabelle* ‘светло-коричневый’, *jaune paille* ‘соломенный’ [Вежбицкая, 1997. С. 231–290; ср. Фрумкина, 1984]. При этом установить значимость того или иного цветообозначения можно с высокой степенью вероятности лишь при условии знания условий употребления, по которым *желтым* может быть в языке не только песок, металл или лицо, но и пресса, *черной* – не только ночь, но и зависть, *серым* – не только день, но и человек.

Цветообозначения чувств и эмоций в языке. Обратившись к Национальному корпусу русского языка, в первом приближении можно установить, что цветовые обозначения чувств и эмоций выражаются в языке предикатами состояния, в том числе глаголами: напр. *побагровел от стыда*, прилагательными: напр. *красный от волнения*, причастиями: напр. *побелевший от страха*, деепричастиями: напр. *позеленев от злости*. Задавшись вопросом, какого цвета радость, страх или отчаяние, нельзя, кроме того, не отметить, что палитра эмоциональных состояний ограничивается в русском языковом сознании несколькими базовыми цветами и оттенками, в том числе белым, красным, розовым, зеленым, синим, черным. При этом выбор цветообозначения приводится в ряде случаев в соответствие со зрительно наблюдаемыми внешними проявлениями в виде изменения в цвете лица, шеи, щек – покраснением в связи с повышением кровяного давления в состоянии раздражения, побледнением в связи с оттоком крови в состоянии страха; тогда как в других расходится, а то и вовсе не совпадает с колерным образцом из принятых в хроматологии цветовых таблиц. И дело здесь даже не в градации, яркости и насыщенности, а чуть ли не в полном пренебрежении прототипическими свойствами цвета.

Так, по засвидетельствованным в корпусе употреблениям от **волнения** розовеют: *Любка порозовела от волнения* (М. Баранова), краснеют: *...покраснел от волнения* (А. Ларина),

⁴ В таких случаях говорят о вербализации остенсивного определения.

багровеют: *Адъютант, весь багровый от волнения, заикаясь, успел выкрикнуть: «Ее императорского величества!..»* (М. Б. Салимов), сереют: *Гор был серый от волнения, губы прыгали* (А. Н. Толстой); от **смущения** розовеют: *Она подняла на него свои взоры, порозовела от смущения* (А. П. Ладинский), краснеют: *...покраснел от смущения* (А. Маринина), багровеют: *Начальник госпиталя побагровел от смущения* (В. Михальский); от **стыда** розовеют: *...он порозовел от стыда* (А. Белый), краснеют: *...я подкрался к глазку и покраснел от плеснувшего стыда* (А. Терехов), багровеют: *Татищев побагровел от стыда* (А. А. Игнатъев), белеют: *...весь побелел от стыда и страха* (Д. Н. Мамин-Сибиряк); от **удовольствия** розовеют: *Он даже порозовел от удовольствия* (М. Петросян), краснеют: *Мальчик даже слегка покраснел от удовольствия* (Ф. Искандер), багровеют: *...багровый от удовольствия* (М. А. Шолохов); от **радости** розовеют: *Она вошла к нему, вся розовая от радости его видеть* (А. Е. Зарин), краснеют: *Константин Ионыч покраснел от радости до ушей* (Н. С. Лесков); от **возбуждения** розовеют: *...и порозовел от возбуждения* (Н. Мордюкова), краснеют: *...красный от возбуждения* (М. Горький); от **счастья** розовеют: *Он даже порозовел от счастья* (Ю. Герман), краснеют: *Карташев покраснел от счастья до корней волос* (Н. Г. Гарин-Михайловский), зеленеют: *Мао позеленел от счастья: улыбка затопила гнилью все лицо* (Н. Джин); от **испуга** белеют: *Аня побелела от испуга* (Ю. В. Трифонов), сереют: *Цыганка посерела от испуга* (А. Иличевский), краснеют: *Маленький муж покраснел от испуга* (Н. А. Тэффи), зеленеют: *Дмитрий Матов позеленел от испуга* (Ф. К. Сологуб); от **страха** белеют: *...побелел от великого страха и гордости* (Ю. Н. Тынянов), багровеют: *Коротенький и толстый Руф Билан побагровел от страха перед суровым взглядом повелителя* (А. М. Волков), зеленеют: *Сэм позеленел от страха* (Э. Лимонов); от **ужаса** белеют: *Бедный Фридрих Адольфович даже побелел от ужаса* (Л. А. Чарская), сереют: *Негр, посерев от ужаса, заклокотал что-то на непонятном языке* (А. Генис), синеют: *Голицын посинел от ужаса за произнесенные им слова* (Г. В. Алексеев), зеленеют: *Митрохин позеленел от ужаса и заволпил* (Д. Липскеров); от **гордости** розовеют: *Я порозовел от гордости. Я и не думал, что моя популярность так велика* (С. Довлатов); от **досады** краснеют: *...он покраснел от досады и что-то сказал неприятное* (Л. Н. Толстой), багровеют: *Смолокуров даже побагровел от досады* (П. И. Мельников-Печерский), зеленеют: *...позеленел от досады* (В. Песков), желтеют: *Девушка Иванова пожелтела от досады и зависти* (В. А. Соллогуб); от **негодования** белеют: *Симонов, весь побелел от негодования, схватил с необыкновенной силой поэта за шиворот и потащил к выходным дверям* (А. И. Куприн), краснеют: *...он даже весь покраснел от негодования* (М. Е. Салтыков-Щедрин), багровеют: *Хвалынцев побагровел от негодования* (В. В. Крестовский), чернеют: *...и почернел от негодования* (К. Г. Паустовский); от **обиды** белеют: *Жолудев побелел от обиды* (Л. Зорин), багровеют: *Багровый от обиды* (М. Горький), чернеют: *Индикатор упал и почернел от обиды* (К. Булычев), синеют: *Пират посинел от обиды* (Ю. Дружков); от **унижения** багровеют: *...он побагровел от унижения* (С. Б. Рассадин); от **зависти** зеленеют: *...так вот вся и позеленела от зависти* (Т. Г. Шевченко), желтеют: *Девушка Иванова пожелтела от досады и зависти* (В. А. Соллогуб); от **злости** белеют: *Ермилыч весь побелел от злости, вскочил и запустил сапогом в Александра Иваныча* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), зеленеют: *Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости* (А. С. Пушкин), краснеют: *Он даже покраснел от злости* (Ю. О. Домбровский), багровеют: *Антонио побагровел от злости* (Н. Александрова), синеют: *Валентин Петрович посинел от злости* (Э. Рязанов), сереют: *...посерел от злости и стал дико ругаться* (М. Горький), чернеют: *Он аж почернел от злости и выругался...* (В. Белоусова); от **гнева** белеют: *Сосновский побелел от гнева* (А. Лазарчук), краснеют: *...подполковник покраснел от гнева* (Д. Корецкий), багровеют: *Князь Холмский побагровел от гнева* (А. Н. Апухтин), зеленеют: *...позеленев от гнева, сказала: «да это – грабеж»* (Г. И. Успенский); от **ярости** белеют: *...весь побелел от ярости* (М. Голованивская), краснеют: *...покраснел от ярости* (Е. Чижов), зеленеют: *Что-ооо?! – капитан Буль-Буль позеленел от ярости* (Ю. Дружков); от **бешенства** белеют: *Мальчик весь побелел от бешенства* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), краснеют: *...весь красный от охватившего его бешенства* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), багровеют:

Менишиков побагровел от бешенства (Р. Л. Антропов), чернеют: *Роман почернел от бешенства* (Г. П. Данилевский), зеленеют: *...позеленев от бешенства, тяжелым кулаком хлопнул по гостеприимному столу* (Ф. И. Шаляпин).

Как свидетельствуют примеры, выбор цветообозначения задается в подавляющем большинстве случаев не абсолютными физическими свойствами, объективированными в виде длины волны или относительной интенсивности, а внутренним убеждением говорящих, что для обозначения того или иного эмоционального состояния наиболее подходящим является такой, а не какой-то другой цвет. Ибо, если быть точным и строгим, позеленевшее от злобы лицо нельзя признать зеленым по сравнению с травой, побелевшее от страха лицо – белым по сравнению со снегом, почерневшее от горя лицо – черным по сравнению с углем, а можно признать лишь отчасти напоминающим нам оттенки того или иного цвета.

Больше того, градации одного и того же эмоционального состояния (гнев, ярость и бешенство) различаются не только по нюансам, но и по цвету, а такие разные по природе чувства, как радость, страх и удовольствие, окрашиваются одинаково.

Например, в **белый** цвет окрашивается обида: *Жолудев побелел от обиды* (Л. Зорин), возмущение: *Тут Константин даже побелел от святого возмущения* (А. Мариенгоф), негодование: *Симонов, весь побелев от негодования, схватил с необыкновенной силой поэта за шиворот и потащил к выходным дверям* (А. И. Куприн), презрение: *Породистый подбродок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения* (В. П. Катаев), злость: *Захарьев побелел от злости* (Б. С. Житков), злоба: *Гундосый, белый от злобы, обернулся к товарищам* (А. И. Куприн), гнев: *На пороге стоял белый от гнева Иванов* (К. Г. Паустовский), ярость: *...выскочил белый от ярости директор – губы его дрожали, щека дергалась* (Н. Воронель), бешенство: *Подручный побелел от бешенства, когда все хохотали* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), испуг: *Белый от испуга* (В. Шукшин), страх: *Макарыч, Мишка глянул на бледное лицо отца, стоявшего возле скамьи, и сам побелел от страха за него* (М. А. Шолохов), ужас: *Тоби влетел в комнату, все еще белый от ужаса* (М. С. Шагинян), стыд: *...весь побелел от стыда и страха* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), плохие предчувствия: *...весь белый от нехороших предчувствий* (Б. Минаев);

в **красный** цвет – волнение: *...покраснел от волнения* (А. Ларина), неловкость: *Дамилола покраснел от неловкости* (В. Пелевин), робость: *Наумка покраснел от робости* (Ф. В. Гладков), решимость: *Даже покраснел от своей решимости* (Ф. М. Достоевский), задор: *...весь красный от задора, как вдруг Митя, подойдя к нему, хлопнул его по плечу* (Ф. М. Достоевский), возбуждение: *...красный от возбуждения* (М. Горький), удовольствие: *Валерий даже покраснел от удовольствия* (Ю. Даниэль), радость: *...учитель покраснел от радости* (И. А. Бунин), счастье: *Я покраснел от счастья* (К. Г. Паустовский), восхищение: *Колька Барахолкин весь покраснел от восхищения* (Ю. Вяземский), изумление: *Молодой человек даже покраснел от изумления* (А. В. Амфитеатров), смущение: *...покраснел от внезапного смущения* (В. Михальский), стыд: *...я подкрался к глазку и покраснел от плеснувшего стыда* (А. Терехов), досада: *Ероха покраснел от досады: Врешь, я не малец какой-то...* (О. Павлов), возмущение: *Он даже покраснел от возмущения* (З. Юрьев), раздражение: *...он даже покраснел от раздражения* (Ю. О. Домбровский), негодование: *Петя покраснел от негодования – так обращаться с книгой!* (Г. А. Галахова), испуг: *Маленький муж покраснел от испуга* (Н. А. Тэффи), злость: *Митя даже покраснел от злости и стал бегать по комнате* (Ю. Мамлеев), гнев: *...весь красный от гнева* (Л. Н. Андреев), ярость: *...покраснел от ярости* (Е. Чижев), бешенство: *...весь красный от охватившего его бешенства* (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

в **розовый** цвет – волнение: *Любка порозовела от волнения: наконец-то!* (М. Баранова), возбуждение: *...и порозовел от возбуждения* (Н. Мордюкова), смущение: *Она подняла на него свои взоры, порозовела от смущения* (А. П. Ладинский), удовольствие: *Молодой планетолог порозовел от удовольствия и, чтобы скрыть смущение, добавил* (И. А. Ефремов), радость: *Она вошла к нему, вся розовая от радости его видеть* (А. Е. Зарин), счастье: *Он даже порозовел от счастья* (Ю. Герман), гордость: *Я порозовел от гордости. Я и не думал, что моя популярность так велика* (С. Довлатов), стыд: *...он порозовел от стыда* (А. Белый);

в **багровый** цвет – перевозбуждение: ...багровый от перевозбуждения (А. Белый), волнение: *Адъютант, весь багровый от волнения, заикаясь, успел выкрикнуть: «Ее императорского величества!..»* (М. Б. Салимов), смущение: *Начальник госпиталя побагровел от смущения* (В. Михальский), конфуз: ...багровый от конфуза (Г. В. Иванов), стыд: ...побагровел от стыда (В. Жаботинский), досада: *Кишенский побагровел от досады* (Н. С. Лесков), обида: *Багровый от обиды* (М. Горький), негодование: *Доктор побагровел от негодования* (С. Д. Мстиславский), возмущение: *Дурнев побагровел от возмущения. Казалось, что из ноздрей и ушей у него вот-вот повалит пар* (Д. Емец), унижение: *Он побагровел от унижения, на которое обрек сам себя* (В. Ф. Кормер), презрение: ...побагровел от бесконечного презрения (М. А. Шолохов), страх: *Коротенький и толстый Руф Билан побагровел от страха перед суровым взглядом повелителя и забормотал* (А. М. Волков), злоба: ...багровый от злобы Слива (Д. Рубина), злость: *Тарантьев побагровел от злости* (И. А. Гончаров), ярость: ...багровый от ярости (Ал. Алтаев), бешенство: *Менишиков побагровел от бешенства* (Р. Л. Антропов), гнев: ...багровый от гнева (В. А. Соллогуб), удовольствие: ...багровый от удовольствия (М. А. Шолохов);

в **синий** цвет – удовольствие: *Парень посинел от удовольствия* (В. Пелевин), любопытство: ...даже посинел от любопытства (К. Булычев), обида: *Пират посинел от обиды* (Ю. Дружков), ужас: *Голицын посинел от ужаса за произнесенные им слова* (Г. В. Алексеев), грусть: ...очень иссох и посинел от постоянной грусти и пьянства (Е. Попов);

в **зеленый** цвет – зависть: *После твоих слов моя серая Луна позеленела от зависти* (Е. Велтистов), испуг: *Дмитрий Матов позеленел от испуга* (Ф. К. Соллогуб), страх: *Бастинда позеленела от страха* (А. М. Волков), горе: ...просто позеленел от горя (А. Моторов), ужас: *Митрохин позеленел от ужаса и завопил* (Д. Липскеров), досада: *Увидев в передней ильковую военную шинель, он позеленел от досады* (А. Ф. Писемский), злость: *Княгиня Одолевская обратилась к нему, позеленев от злости* (А. С. Пушкин), злоба: *На эту тираду Юлия Михайловна, позеленев от злобы, разразилась немедленно хохотом* (Ф. М. Достоевский), гнев: *Демьян позеленел от гнева и прошептал со злостью* (Г. М. Марков), бешенство: ...позеленев от бешенства, тяжелым кулаком хлопнул по гостеприимному столу (Ф. И. Шаляпин), ярость: ...позеленел от ярости (Ю. Дружков), усталость: *Ельников позеленел от усталости* (И. В. Омулевский), счастье: ...позеленел от счастья (Н. Джин);

в **желтый** цвет – переживания: *Маленький казах пожелтел от переживаний, никто не мог понять, что с ним происходит: он высохал на глазах* (Ю. Трифонов), досада и зависть: *Девушка Иванова пожелтела от досады и зависти* (В. А. Соллогуб);

в **черный** цвет – горе: ...исхудала и почернела от горя (А. Маринина), печаль: *Урасов, увидев меня, почернел от печали неожиданной* (В. Н. Гельфанд), несчастье: *Как часто, почернев от несчастья, молил: сейчас бы* (М. Палей), обида: *Индикатор упал и почернел от обиды* (К. Булычев), негодование: ...и почернел от негодования (К. Г. Паустовский), злость: *Он аж почернел от злости* (В. Белоусова), злоба: ...и почернел от внезапно прорвавшейся злобы (Л. А. Кассиль), бешенство: *Роман почернел от бешенства* (Г. П. Данилевский);

в **серый** цвет – волнение: *Гор был серый от волнения* (А. Н. Толстой), испуг: *Цыганка посерела от испуга* (А. Иличевский), злость: ...серый от злости (Ю. В. Трифонов), ужас: *Негр, посерев от ужаса, заклокотал что-то на непонятном языке* (А. Генис).

Для большей наглядности в качестве эталона привлекается нередко какой-то избираемый по случаю цветовой образец. В псевдо-референтной соотнесенности в качестве эталона **белого** цвета служит снег: *Паша сидел на траве белый как снег и глубоко дышал* (А. Маринина), мел: ...выведенный из себя, становился белый как мел, и его гнев был страшен (Е. Маркова), бумага: ...плакал, белый как бумага (Ф. М. Достоевский), скатерть: ...он белый как скатерть (Л. Смирнова), полотно: *Керенский вскочил как ужаленный и бросился в зал, снова побелел как полотно* (Н. Н. Суханов); в качестве эталона **черного** цвета – уголь: *Черный, черный как уголь мужчина – в больнице, понятно, в пригородной* (А. К. Смирнов), грач: *За неделю тяжкой работы Михаил высох и почернел, как грач* (Ф. Абрамов), холера: *У меня ребенок чахнет, сам весь черный как холера* (Ф. Абрамов); в качестве эталона **серого** цвета – зола:

...серый, как зола, ходит сторонкой, держится вдали от людей, и линючие его глаза смотрят грустно, устало (М. Горький); в качестве эталона **красного** цвета – рак: Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов (М. М. Зощенко), мак: Синев мялся, красный, как мак (А. В. Амфитеатров), свекла: Он смутился и стал красный, как свекла (В. Токарева), бурак: ...весь красный, как бурак, щуря близорукие глаза, направился к Санину (М. П. Арцыбашев), помидор: ...нервно курил, был красный, как спелый помидор (А. Тарасов), томат: ...задышающийся, с выпученными глазами, темно-красный, как очень спелый томат (А. И. Куприн), клубника: ...красный, как спелая садовая клубника (С. Н. Сергеев-Ценский), клюква: Глаза у тебя распухли, нос стал красный, как клюковка (В. Осеева), вишня: ...огрызнулся на меня красный, как вишня, приятель (К. С. Петров-Водкин), морковь: ...весь красный, как морковь, от негодования (Ф. М. Достоевский), пион: Ракушкин пришел красный, как пион (К. М. Станюкович), роза: Готлиб! – прошептала девушка, покраснев, как роза (М. Н. Загоскин), флаг: Муж стоял красный, как праздничный флаг (Петрушевская), кумач: ...комиссар под дружный хохот и гиканье толпы, красный как кумач, вылетел из банка (В. П. Аничков), зарево: ...краснея, как зарево, протестовала она (Л. А. Чарская), огонь: ...покраснев, как огонь, с растрепанными волосами, гонялась за мною с угрозами (И. А. Крылов), раскаленный уголь: Лазарь, красный, как раскаленный уголь, стоял подле своего барича (А. Ф. Вельтман); в качестве эталона **розового** цвета – туалетное мыло: ...пять минут после этого он выходил из комнаты благоухающий, свежий и розовый, как кусок дешевого туалетного мыла (Ю. О. Домбровский); в качестве эталона **багрового** цвета – клюква: ...он побагровел, как клюква (Д. В. Григорович), свекла: Тут рыжий побагровел, как свекла (Е. Халецкая), индейский петух: ...вдруг побагровел, как индейский петух (Ф. М. Достоевский); в качестве эталона **зеленого** цвета – доллар: Борис Петрович, сам с лица зеленый, как доллар, нитроглицерин под языком, валерьянкой благоухает за версту (Л. Стоцкая), крокодил: Едва жив бедняга, зеленый как крокодил и глаза навывкате (Д. Емец), тина: Колька два раза бегал за куст и возвращался зеленый, как тина (В. Добровольский), гусиное дерьмо: Топчила был мужик и фрайер, зеленый, как гусиное дерьмо (С. Довлатов); в качестве эталона **синего** цвета – снятое молоко: ...весь в хворах, синий, как снятое молоко (Б. Екимов), утопленник: Синий, как утопленник, сидел он тогда в своем кабинете (А. В. Амфитеатров); в качестве эталона **желтого** цвета – лимон: Пожелтев, как лимон, и сжав челюсти, сминая приказ, не читая (А. С. Серафимович), шафран: На крыльцо вышел Семенов, полуодетый, нечесаный и желтый, как шафран (М. П. Арцыбашев), воск: ...желтый, как воск, с глазами ввалившимися, взглядом мутным, безжизненным (В. В. Верещагин), церковная свечка: По несчастью, Строгонов вышел из кабинета желтый, как церковная свечка (А. И. Герцен), тухлое яйцо: Ходил злой, с температурой и головной болью. Желтый, как тухлое яйцо (Г. Жженов) и проч.

Разумеется, в экстенциональном отношении выбор цветового образца не поддается истинностной оценке. Но этого, в сущности, и не требуется. За исключением индивидуально-авторского употребления аргументом в пользу соответствующего выбора служит установка мнения, что наилучшим образцом для обозначения того или иного цвета служит такой, а не какой-то другой объект, ибо в речевом обиходе нет иного класса вспомогательных объектов для обозначения цвета, кроме разве только лимона или шафрана для обозначения желтого цвета; рака, мака или пиона для обозначения красного цвета; мела, бумаги или полотна для обозначения белого цвета⁵.

Так приходим к следующим выводам.

- Определить значение именовании цвета можно и по данным нам в чувственном восприятии ощущениям, и по стереотипным представлениям, и по хранимым в памяти ментальным репрезентациям, но утверждать, каким является значение в языке, можно с очевидностью только по употреблению.

⁵ В таких случаях можно говорить о формальном следовании *S*-высказываний из *P*-высказываний (где *P* – высказывание вида *Это – лимон*, *S* – условное высказывание о чувственных данных вроде желтого цвета лимона). По правилам импликации *S* логически следует из *P*, если *P* истинно.

- Судя по словоупотреблениям, засвидетельствованным в Национальном корпусе русского языка, палитра эмоциональных состояний ограничивается несколькими базовыми цветами и оттенками, в том числе белым, черным, серым, красным, розовым, бардовым, зеленым, синим.

- В русском языковом сознании разные по природе чувства могут окрашиваться тем же цветом, градации того же эмоционального состояния – различаться по нюансам и цвету.

- В подавляющем большинстве случаев выбор цветообозначения определяется не абсолютными физическими свойствами цвета, объективированными в виде принятых в хроматологии цветковых таблиц, а внутренним убеждением говорящих, что для обозначения того или иного эмоционального состояния подходит скорее такой, а не какой-то другой цвет.

- Для большей наглядности в качестве эталона может привлекаться какой-то избираемый по случаю цветовой образец. Причем основанием для выбора образца служит, как правило, установка мнения, что наиболее пригодным для обозначения того или иного цвета является именно такой, а не какой-то другой объект: например, лимон или шафран для желтого цвета; рак, мак или пион для красного цвета; мел, бумага или полотно для белого цвета.

Список литературы

Айдукевич К. Язык и смысл // Логос # 7. Философско-литературный журнал. 1999. № 17. С. 67–93.

Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 231–290.

Витгенштейн Л. Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.

Макеенко И. В. Мир чувств и личностных качеств в цветовых характеристиках (на материале русского и английского языков) // Изв. Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Т. 14. № 4. 2014. С. 38–42.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Пан А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002. 420 с.

Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 400 с.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

Berlin B., Kay P. Basic color terms. Their universality and evolution. Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1969. 178 p.

Slodzian M. Voir et nommer les couleurs // *Sémiotiques*, № 4, juin 1993. P. 31–44.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Andrey E. Bochkarev

*National Research University "Higher School of Economics"
25/12 Bolshaja Pecherskaja St., 603155, Nizhny Novgorod, Russia*

abotchkarev@hse.ru; bochkarev.andrey@mail.ru

COLOR TERMS OF FEELINGS AND EMOTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The paper is concerned with color designation of feelings and emotions in Russian. According to the National Russian Corpus the color gamma of emotional states used by native speakers is limited to a few basic colors and hues, including white, red, pink, green, blue, black and gray. In the Russian language consciousness, the same color term can convey different feelings, while nuances of the same emotional state may be rendered by different hues and colors. So, it appears that white is a favorite color term for describing *fright, fear, horror* and *shame*; red for *resentment, anger* and *pleasure*; pink for *pleasure, confusion* and *happiness*; white for *shame, resentment, anger* and *rage*; black for *resentment, anger* and *rabies*; blue for *offense, horror* and *fun*; green for *fright, anger* and *happiness*; gray for *fright* and *dread*. The choice of color terms is determined by an inner belief that a certain emotional state is best expressed by this particular color, that the best sample to illustrate the yellow is by such particular things as a lemon, or saffron; the red by crayfish, poppy, or peony; the white by chalk, paper, or canvas.

Key words: corpus studies, linguistic view of the world, colour terms, feelings and emotions, empirical experience, sample, opinion, truth-value.

References

- Ajdukiewicz K. Jazyk i smysl [Language and Meaning], *Logos* # 7. *Literary-philosophical journal*, 1999, № 17. P. 67–93. (In Russ.)
- Berlin B., Kay P. Basic color terms. Their universality and evolution, Berkley – Los Angeles, University of California Press, 1969. 178 p.
- Makejenko I. V. Mir chuvstv i lichnostnyh kachestv v tsvetovyh kharakteristikah (na materialje russkogo i anglijskogo jazykov) [The world of feelings and personal qualities in color characteristics (Russian and English languages)], *Izvestija Saratovskogo universiteta. Filologija. Zhurnalistika*, v. 14, no 4, 2014. P. 38–42. (In Russ.)
- Kul'pina V. G. Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom jazykah [Linguistics of colours: colour terms in English and Russian], Moscow, Moskovskij Litsej, 2001. 470 p. (In Russ.)
- Pap A. Semantika i neobkhodimaja istina. Issledovanije osnovanij analiticheskoj filosofii [Semantics and Necessary Truth. An Inquiry into the Foundations of Analytic Philosophy], Moscow, Ideja-Press, 2002. 420 p. (In Russ.)
- Russel B. Issledovanije znachenija i istiny [An Inquiry into Meaning and Truth], Moscow, Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999. 400 p. (In Russ.)
- Frumkina R. M. Tsvet, smysl, shodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza [Color, sense, affinity. Aspects of psycholinguistic analysis], Moscow, Nauka, 1984. 175 p. (In Russian)
- Slodzian M. Voir et nommer les couleurs, *Sémiotiques*, no 4, juin 1993. P. 31–44.
- Wierzbicka A. Oboznachenija tsveta i universalii zritel'nogo vosprijatija [Colour designations and universals of visual perception], Wierzbicka A. Jazyk. Kul'tura. Poznanje [Language. Culture. Cognition], Moscow, Russkije slovari, 1997. P. 231–290. (In Russ.)
- Wittgenstein L. Filosofskije issledovanija [Philosophical Investigations] // Wittgenstein L. Filosofskije raboty [Philosophical studies], Moscow, Gnosis, 1994. P. 75–319. (In Russ.)

Sources

National Corpus of Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru/>.